

Памяти М. П. Садовского.

У гроба М. П. Садовского.

Вчера на панихидах у гроба М. П. Садовского перебивали все находящиеся в Москвѣ артисты Малаго театра.

На гробъ возложены вчера вѣнки отъ Малаго театра — «Дорогому товарищу», отъ русскаго театральнаго общества, отъ Художественнаго театра — «Вѣчной памяти чудеснаго русскаго актера», отъ Вл. И. Немировича-Данченко — «Послѣдній привѣтъ угасшему вдохновителю», отъ «глубокоопечаленнаго К. Незлобина», «Незабвенному таланту и другу отъ некрепко любившихъ и чтившихъ его М. и Н. Шубинскихъ», отъ иваново-вознесенскаго литературно-музыкально-драматическаго общества и много другихъ.

Похороны состоятся завтра, такъ какъ семья покойнаго ждетъ прїѣзда старшаго сына его — артиста П. М. Садовскаго.

Воспоминанія о М. П. Садовскомъ.

Это былъ удивительный преподаватель, но его нужно было понимать, — рассказы-ваетъ о покойномъ М. П. Садовскомъ одинъ изъ его первыхъ и близко стоявшихъ къ нему учениковъ по филармоническому училищу, бывшій артистъ Малаго театра Н. И. Васильевъ. Онъ никогда не «показывалъ», какъ нужно играть.

— Я васъ буду поправлять, когда увижу, что вы плохо играете, — говорилъ М. П., — а учить васъ играть я не умѣю. Надо понимать и чувствовать, что изображаешь. Если же я покажу, какъ я играю, то вы будете только подражать, и тогда будетъ два Садовскихъ.

— Самъ М. П. никогда не готовился къ своимъ ролямъ, — рассказывалъ намъ дальше г. Васильевъ, — онъ, какъ великій художникъ-самородокъ, поражалъ неожиданными интонаціями.

Онъ былъ горячимъ поклонникомъ Шумскаго, любилъ, хотя менѣе горячо, Самарина.

Новое направленіе театра не нравилось М. П. Садовскому, и онъ совсѣмъ не интересовался имъ.

Покойный оставилъ два тома рассказовъ. Сюжеты для нихъ бралъ обыкновенно изъ дѣйствительныхъ происшествій.

— Рассказъ мѣлъ что-нибудь страшное, — просилъ онъ меня обыкновенно, когда я возвращался изъ провинціи въ Москву, — рассказываетъ г. Васильевъ. — И нерѣдко моллъ рассказамъ о случаяхъ изъ гущи провинціальной жизни М. П. придавалъ художественную форму.

Между прочимъ, покойный М. П. былъ большой любитель-нумизматикъ и собиралъ предметы старины.

Какъ человекъ очень остроумный, веселый и большой шутникъ, онъ своимъ появленіемъ среди артистической семьи Малаго театра всегда вносилъ бодрящее, веселое настроеніе, и его радостно встрѣчали товарищи-артисты.

Иногда онъ забавлялся, какъ юноша.

— Давай пьяныхъ представлять, — предложилъ онъ какъ-то мнѣ разъ, когда мы ѣхали съ нимъ по Тверской на извозчикѣ, и мы проѣхали днемъ почти всю Тверскую, изображая пьяныхъ, — поклонившись одинъ въ одну сторону, другой въ другую, а затѣмъ сразу «вырезвились».

М. П. самъ шутилъ и не сердился, когда шутили надъ нимъ. Онъ курилъ почти непрерывно. Во время спектакля, передъ выходомъ, случалось ему оставить свой мундштукъ съ папиросою гдѣ-нибудь за кулисами. Кто-нибудь изъ товарищей набьетъ въ мундштукъ ваты, заклеитъ его. М. П. вернется со сцены, хватить папиросу.

— Экъ, мерзавцы, заколотили! — скажетъ совершенно добродушно.

Онъ былъ вообще незлобивъ и въ серьезныхъ дѣлахъ; онъ всѣхъ любилъ, все прощалъ.

— Ну, что жъ, если онъ подлець, онъ подлецомъ и останется, — говорилъ обыкновенно М. П. про кого-нибудь, кто былъ уличенъ въ некрасивомъ поступкѣ.

Разговорившись какъ-то, года два тому назадъ, съ г. Васильевымъ о смерти, М. П. сказалъ ему: «Я хоть сейчасъ готовъ предстать предъ Богомъ».

А за мѣсяцъ до смерти онъ говорилъ о своемъ здоровьѣ, жаловался, что ему дышать трудно.

— Я не пью, — сказалъ онъ г. Васильеву, — т.-е. пью по стакачику.

В. В.